

● ● ●
Я ничего для тебя не могу—
лишь улыбаться, когда
сжав невесомую рученьку, лгу,
что не умрём никогда,
что— вот увидишь!— грядущей весной
будем вдвоём у окна
радоваться, что листвою молодой
вновь зеленеет страна,
ливни омоют небесную синь,
станет свободней дышать;
ныне же надо исполниться сил—
перетерпеть, переждать...
Ты промолчишь, улыбаясь в ответ,
будто поверила мне.
От неизбежности будущих бед
горбится тень на стене.
Строгое время страдание длит
и отмеряет: тик-так...
И в мониторе мерцает-бежит
кардиограммы зигзаг.
Ночь пережита— развеялся страх,
мягче сияние глаз...
Добрые ангелы в горних краях
плачут, любуясь на нас.

● ● ●
Надежда злая, как стилет,
вдруг в сердце угодит, не целясь...
Но не обманывайся, нет,
на счастье честное надеясь.
Навстречу взгляду взгляд скользнул—
опасен и молниеносен,
и твой скучающий июль
смутил случайно чью-то осень.
Но чем позднее, тем верней
сгущается предчувствий замять,
что в каждой радости твоей
чужая воскресает память.
Там, в этой памяти чужой
не потускнеет, не убудет—
весёлый, сильный, молодой,
каким с тобой уже не будет.

Вольное подражание

В. Б.

В сени кипарисов на заре,
битвами дневными утомлённый,
отдыхает грозный хан Гирей,
устремляя в море взгляд зелёный.
Ни в каких глубинах голубых,
зарослях коралловых лиловых
никогда не видела таких
стариков— красивых и суровых.
Всхлипывает глиняный кальян,
ароматы стелются волною,
и седобородый пехлеван
чуть качает бритой головою.
Чайки вторят горестной зурне.
Пена моет мраморную плитку.
Отчего так любопытно мне
подстеречь внезапную улыбку?
Жизнь была привольная моя
предопределённой изначально.
В зареве заката чешуя
отливает золотом. Прощально
плавники плеснут— не обессудь.
Будут сердце холода лелеять.
Иншаллах, вернусь когда-нибудь
грусть-печаль-тоску твою развеять.

● ● ●
Что ни сбудется— всё к лучшему.
Пруд в пустынный берег плещется.
Не даётся в сети никому
золотая рыба месяца.
На качелях ночь качается—
на цепях под старой ивою.
Временами вспоминается,
как умела быть счастливою.
Ни рыбачка, ни работница—
в кружевных оборках платища.
Кто посмотрит— не насмотрится.
Кто полюбит— не наплачется.

А. А.

Сожаленьем взгляд сверкнул по краю.
Выдохнув негромкое прости,
таю, исчезаю, уезжаю,
отправляюсь с первого пути.

Набирая скорость, дрогнул скорый.
Позади замолк вокзальный гам.
Покидаю сторону, в которой
пьют до дна и любят без ума.

Даль степная, глубина морская,
синий огнедышащий зенит,
дурь хмельная, воля отпуская
весело на стыках дребезжит.

У окошка в тамбуре прогревом
озадаченно печалюсь я—
как они теперь на свете этом
будут петь и плакать без меня?

Слева ноет-нарывает, будто
ледяное гает остриё...
Береги, душа моя Анюта,
счастье непутёвое своё!

Исстуженно хлещет ливень за окном.
Тонет в тучах утлой лодочкой луна.
Есть отрада в одиночестве таком—
грезить у незатворённого окна.
Ночь—серебряными брызгами в лицо.
Замирает сердце плыть, качаясь над
типовой высотой, транспортным кольцом,
монументом в парке, пиками оград,
объездной дорогой, проходным двором,
пустырём, погостом, берегом речным,
железнодорожным арочным мостом
и у горизонта сполохом косым.
Там, внизу, грохочет, плещется, искрит.
И тебе неимётся—не отводишь глаз.
Злое ретивое так и бередит
лётной непогоды мреющий соблазн.

Мнемоника

Как всё вокруг до слёз и наизусть!
Вглядишься—и у сердца вдруг кольнёт,
что сепией отсвечивает грусть
и, открываясь, дребезжит комод.

Хранятся в нижнем ящике на дне,
по сути, пустяки такие и
в случайном беспорядке давних дней
любимые сокровища мои.

Так странно и бессмысленно теперь,
неволей обращая время вспять,
свой перечень ошибок и потерь,
как чётки, бережно перебирать.

Сквозняк играет створками окна,
а за окном ни проблеска, ни зги.
Припомнишь дорогие имена,
услышав отдалённые шаги.

Скрипят дверьми, крадутся по коврам,
взбегают вверх... И некому пенять,
что призраки приходят по ночам,
упрёками преследуя меня.

Рукава бы не вспорхнули невзначай!
Белая ночнушка, в рюшечках подол...
Сводчатой мансарды ирреален рай.
Каплет с подоконника на стол, на пол.
Подле зеркала—косметики парад.
В зазеркалье—неожиданно суров
из-под русой чёлки близорукий взгляд
в стрекотинном обрамлении очков.
Будто неродное, в рамке золотой
до нутра продрогло фото в стиле ню...
Чудо—если сгинет вдруг сама собой
стопка корректуры к завтрашнему дню!
Обнажая пасти розовое дно,
на подушке-думке раззевался кот:
—Ты прикрыла бы, хозяйюшка, окно—
ненароком чёрт-те кто к нам завернёт...